

DOI: 10.33910/1992-6464-2020-197-147-153

Е. В. Сергеева

СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА «ПРИРОДА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. ЯХИНОЙ

Статья посвящена рассмотрению особенностей лексического представления художественного концепта «Природа» в текстах романов Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои». Описывается специфика художественного концепта по сравнению с концептом-универсалией с точки зрения номинирования, средств экспликации, степени образности и соотношения ядра и периферии поля. Анализируется репрезентация художественного концепта «Природа» в произведениях Г. Яхиной: его представление в определенных контекстах, значимость эстетической смысловой составляющей, частотность и объем определенных вербализаторов.

Ключевые слова: концепт-универсалия, художественный концепт, художественный текст, лингвоцентричность, художественная картина мира.

Е. Sergeeva

VERBALIZATION OF THE ARTISTIC CONCEPT “NATURE” IN THE WORKS OF GUZEL YAKHINA

The article focuses on the lexical representation of the artistic concept “nature” in G. Yakhina’s novels “Zuleikha Opens Her Eyes” and “My Children”. The specific features of the artistic concept are described in comparison with the universal concept in terms of nomination, means of explication, the degree of imagery, and the correlation between the core and the periphery of the field. The article analyses the representation of the artistic concept “nature” in the works of G. Yakhina. In particular, it explores the representation of the concept in certain contexts, the significance of the aesthetic semantic component, and the frequency of certain verbalizers.

Keywords: universal concept, artistic concept, literary text, linguocentricity, artistic vision of the world.

В начале XXI века концептуальные исследования стали «модным» направлением в лингвистической науке (см., например, [1; 2; 3; 4] и др.). Чрезмерное внимание к этому направлению и частотность рассмотрения под именем концептологических проблем, связанных с анализом ключевого слова, тематической лексики, лексико-семантического поля, мотивов художественного произведения закономерно вызвало критическую реакцию специалистов. «Детская болезнь концептомании» к концу второго десятилетия нашего века оказалась в целом пережитой, и исследования концепта языковой картины мира (концепта-универсалии) и ху-

дожественного концепта, как представляется, вышли на новый уровень — уровень описания собственно языковой репрезентации этого лингвоментального феномена. При этом рассмотрение концепта вышло за рамки собственно научного и стало неотъемлемой составляющей теории художественного текста, отражаемой не только в диссертациях, статьях и монографиях, но и в учебных пособиях, например [5].

Около трех десятилетий работы лингвистов, в течение которых создавались труды по концептологии, позволяют сформулировать положения, связанные со способами выделения, номинирования, классификации

и анализа концептуальных структур в языковой картине мира, а также определить характерные черты и особенности экспликации двух разновидностей концепта: *концепта-универсалии* (КУ) и *художественного концепта* (ХК). Эти особенности имеет смысл воспроизвести только предельно кратко.

1. Номинация. У концепта-универсалии и ХК она чаще всего совпадает: «Любовь», «Счастье», «Природа», «Пространство», «Время», «Честь», «Жизнь», «Семья», «Зло», «Женщина» и др. Однако подобное совпадение не стопроцентно, в качестве примера можно привести ХК «Прозрачность» в поэзии Вяч. Иванова, который не существует в ЯКМ, или концепты «Футбол» и «Брань», рассмотренные в [2], но вряд ли могущие стать предметом исследования при рассмотрении художественного текста.

2. Содержание и средства представления ХК и одноименного концепта-универсалии. Набор смысловых составляющих и вербализаторы этих двух типов концепта более или менее значительно отличаются. Более того, средства экспликации одного ХК у различных авторов, художественная картина мира которых, естественно, отличается, тоже могут быть весьма различны: оптимальным примером может служить ставший предметом рассмотрения в настоящей статье концепт «Природа» в произведениях, например, И. Бунина, А. Блока и Г. Яхиной (см. [6; 7]).

3. Наличие/отсутствие внепрагматических смыслов. При вербализации концепта-универсалии в его содержании преобладает прагматическая информация, при экспликации ХК, представленного в художественной картине мира поэта или прозаика, — эстетическая, которая может быть собственно тропической или основанной на приращении смысла и/или трансформации семантики слова.

4. Соотношение ядерной и периферийных зон ассоциативно-семантического поля. У концепта-универсалии подобное соотношение устойчиво, у ХК часто наблюдается неустойчивое соотношение этих зон — именно потому, что, во-первых, лингвоментальные

комплексы с одинаковым именем интерпретируются в художественной картине мира различных авторов неодинаково, и то, что является ядерным для одного, может быть периферийным для другого, а во-вторых, даже в творчестве одного и того же писателя в разных произведениях и в различные периоды содержание и структура поля концепта могут меняться, как это происходит с уже упомянутым художественным концептом «Природа» в поэзии А. А. Блока.

Особенности представления художественного концепта связаны прежде всего с такой категорией художественного текста (далее — ХТ), как лингвоцентричность.

Под *лингвоцентричностью* понимается специфичная для ХТ категория, требующая приоритетности языковых единиц, форм и категорий при создании художественной системы текста автором и обуславливающая первичность языка при воспроизведении особенностей языковой личности этого автора в тексте. Только с помощью языковых структур воплощается художественная картина мира писателя и формируются смыслы, которые он хочет донести до читателя. Так, глагол «выдумывать», употребленный в эссе И. Бунина «Книга» по отношению к книгам, демонстрирует определенную точку зрения рассказчика и персонажа, а жаргонизмы, называющие человека, в ранних романах В. Пелевина (*торчок, хроник, шмара, мент, мусор, говнососы, урка, вертухай* и др.) выявляют, хотя бы отчасти, отношение писателя к человеческому существу вообще.

Лексическое, в том числе образное представление содержательных составляющих художественного концепта — единственное средство эксплицировать этот концепт и как таковой, и как именно художественный феномен. Например, определенный набор вербализующих лексем и тропов (античная лексика, библеизмы, наименование христианских и общерелигиозных понятий и в то же время лексика бытовая и сниженная — *как надший ангел глушит водку, ошарашит серафимов хилых, дернуть отсюда по морю новым*

Христом) обеспечивает своеобразие ХК «Религия» в поэзии И. Бродского (ср. [8]), а отличающиеся от общезыковых экспликации концепта «Семья» в художественных текстах Л. Петрушевской (*подвергнуть ласкам, увольняться из семьи, кривая, одинокий, лишний, несчастный, брошенный, сиротство, содом, скандалы, печальный опыт, грандиозный развод, греческая трагедия, страшная темная сила, слепая безумная страсть*) демонстрируют явное отличие содержания этого художественного концепта от концепта-универсалии.

В сущности, характерные для определенного автора языковые способы представления ХК во всем многообразии их значений и эстетических смыслов и формируют содержание этого концепта как эстетического феномена.

Именно выделение особенностей экспликации художественного концепта «Природа» в текстах романов «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои», которое **ранее не было предметом лингвистического исследования**, стало **целью** настоящей статьи. Этот концепт, с одной стороны, в связи с обязательностью некоторых содержательных элементов для самого его существования как такового и в языковой, и в художественной картине мира языковой личности, не отличается принципиально от одноименного концепта-универсалии, а с другой — имеет явные отличия в количественном и качественном составе репрезентантов. Научная новизна настоящей статьи связана с тем, что художественный концепт «Природа» в творчестве Г. Яхиной ранее не рассматривался.

Концепт «Природа» — один из значимых в русской языковой картине мира. Предметно-логический слой этого концепта традиционно эксплицируется в русской языковой картине мира прежде всего лексемами и словосочетаниями, обозначающими растительный и животный мир, рельеф, климат, природные явления и стихии. Само значение номинанта концепта — существительного «природа» — указывает на соответствующие

лексико-семантические поля (ЛСП) в ассоциативно-семантическом поле (АСП) концепта: «2. Совокупность естественных условий или какая-л. часть их на Земле (рельеф, растительный и животный мир, климатические условия и т. п.)» [9, с. 437]; «Совокупность естественных условий и особенностей какой-л. местности» [10, с. 988].

Опрос, проведенный среди студентов РГПУ им. А. И. Герцена, вполне ожидаемо показал, что в ответ на вопрос, что связывается в их представлении с понятием «природа», носители языка называют прежде всего слова, относящиеся к ЛТГ «растительный мир» и «животный мир», а также ЛТГ «рельеф» (*животное, дерево, птица, трава, листья, цветы, лес, земля, поле, море, горы и др.*).

Имя концепта в произведениях Г. Яхиной нечастотно: это слово не слишком нужно повествователю, не входит в лексикон персонажей и может быть употреблено прежде всего в общезыковом бытовом значении, что связано с особенностями внутренней речи героя: «Здесь природа, она ведь календаря не знает, может и в сентябре зимой накатить» [11, с. 274].

В рассмотренных текстах в составе АСП концепта «Природа» могут быть выделены прежде всего ЛСП «Растительный мир», «Особенности земной поверхности», «Атмосферные явления», «Водная стихия». ЛСП «Небо и небесные светила», «Животный мир» в поле концепта присутствуют, но в целом не особенно значимы.

Контексты использования репрезентантов концепта, частотность (и вообще употребительность) определенных лексических единиц, словосочетаний и целых конструкций, степень образности позволяют выделить некоторые специфические особенности экспликации концепта «Природа» в двух романах Г. Яхиной.

1. Представленность/отсутствие лексической репрезентации в тексте произведения.

В романах Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои» экспликанты концепта

«Природа» присутствуют только в некоторых главах, поскольку пространство несвободы, насилия и жестокости не имеет отношения к природе, более того, оно природе противопоставлено. В целом аналогичная ситуация в романе «Дети мои»: например, вождь абсолютно чужд природе. С природой так или иначе связана «настоящая жизнь» — жизнь в татарской деревне, немецком селе или в таежном поселке, где люди живут естественной, нормальной жизнью, даже если это жизнь ссыльнопоселенцев: трудятся, охотятся, рыбачат, на окружающий мир не смотрят сквозь призму политических интересов или «классовой борьбы». В городе, где жизнь людей полна страха («Бах рассматривал прохожих на покровских улицах — и понимал, что рыба молчаливость их и мышьяная суетливость вызваны... страхом: все они чего-то боялись, все убегали от чего-то» [12, с. 445], в тюрьме, где они существуют в условиях неестественных, в эшелоне, везущем несвободных людей к несвободной жизни, — все антиприродно. Безумие Лейбе также растет в замкнутом мире квартиры, которая стала для него своеобразной тюрьмой.

2. Частотность определенных вербализаторов.

Наиболее частотны репрезентанты концепта, называющие природные явления (снег, дождь, метель, ветер, гроза и др.) и ландшафт (берег, гора, лес, урман, река и др.).

Номинанты, относящиеся к ЛСП «Растительный мир» и «Рельеф», значительно более частотны, чем номинанты, относящиеся к ЛТГ «Животный мир», в целом не очень значимой.

В целом частотность единиц ЛСП непосредственно соотносится с ядерно-периферийными отношениями в содержании ХК. Единичны и употребляются прежде всего в прямом значении номинации неба и небесных светил (небо, солнце, месяц и др.): «А когда край неба тревожно заалел предчувствием морозного рассвета, в ворота застучали» [11, с. 78]; «Прозрачно-голубое небо светится на востоке ожиданием солнца» [11, с. 274];

«И солнца в небе тоже нет...» [12, с. 47]; «...лохматым и серым был небосвод» [12, с. 302]. Персонажи и первого, и второго романа, даже творец вымышленных миров Якоб Бах, заняты прежде всего земной жизнью природы и мира. Поэтому перечисленные лексемы чаще всего употребляются как показатель времени суток, нередко соотношенного с трудовым процессом: «...выехали со двора еще при свете полупрозрачного месяца и последних предрассветных звезд... Небо из черного уже стало ярко-синим...» [11, с. 65].

Среди наименований водной стихии в прямом значении можно выделить прежде всего лексемы река и волны (а также названия конкретных рек — Ангара, Енисей и Волга): «...тяжелая холодная вода таила в себе все оттенки синего и серого» [11, с. 405]; «Крутые волны прямыми белыми усами бежали в две стороны» [11, с. 209].

3. Выделение центра и периферии в ассоциативно-семантическом поле концепта.

Наиболее важную роль в системе вербализаторов ХК играют лексемы, словосочетания и целые предложения, называющие атмосферные явления и природные феномены: «глухой стон январской метели» [11, с. 9]; «...шум метели, ветер бьется о крышу и воет в углах» [11, с. 12]; «прохладные сентябрьские ветры» [11, с. 13]; «Громко и вкусно хрустит под полозьями снег... Белые подушки снега на еловых лапах и раскидистых головах сосен. Иней на березовых ветвях, тонких и длинных, как женский волос. Могучие валы сугробов» [11, с. 17].

Растения, и прежде всего деревья (действительно наиболее часто встречающиеся в Поволжье и в Сибири — береза, сосна, ель), представляются и как значимая составляющая природного ландшафта, и как важный источник питания человека (грибы, рыжики, ягоды, черника, орехи и др.): «Вековые черные ели с похожими на копья острыми вершинами...» [11, с. 18]; «...рыжие свечи сосен и черные щетки елей» [11, с. 236]; «Скоро береза начинает вздрагивать сильнее...» [11, с. 19]; «Впереди, меж прихваченных ином

елей, уже голубеет просвет. Березы расступаются...» [11, с. 66]; «Есть хотелось нещадно, и после ужина многие торопились обратно в тайгу — за грибами (рядом с поселком в изобилии водились боровики, серушки, реже попадались рыжики и даже грузди), ягодами (летом — морошка с черникой, осенью — брусника с клюквой), орехами; не брезговали рогозом...» [11, с. 331]. Как предмет эстетического восприятия растения показываются редко: «Любит с цветами разговаривать, рассматривать их» [11, с. 352].

Лексема «лес», употребляемая в прямом значении, и ее дериваты особенно частотны: лес рисуется как место жизни, кормилец человека и самодостаточный, сам для себя существующий мир: «...направился по тропинке в лес» [12, с. 47]; «Лес... летом кормит деревенских... из глубины леса течет Чишмэ — обычно ласковая, мелкая... а по весне стремительная, ворчащая...» [11, с. 17]. Менее употребительны такие вербализаторы, как тайга и урман: «Иногда тайгу накрывала метель... В такую непогоду в лес было не выйти...» [11, с. 305]; «Если глубоко в урман не ходить — не заблудишься...» [11, с. 237].

К периферии АСП ХК относится ЛСГ «Животный мир». Животный мир — домашние животные и птицы, которые воспринимаются прежде всего как часть хозяйственной деятельности (кошка, жеребенок, конь, корова, баран, утка, гусь, фазан и др.), и дикие, служащие источником пищи или представляющие опасность (волк, медведь, россомаха, рысь, лось, олень, марал, косуля, кабан, барсук, бобр, сова, тетерева, глухари, леши, щуки, гадюки). «Тетерева здесь — жирные и глупые. Пялят на Игнатова круглые черные глазищи под толстыми красными дугами бровей и не улетают» [11, с. 236]. Чаще всего не столько как часть природного мира, сколько как источник неприятностей для человека изображаются насекомые — комары, муравьи, шмели, шершни, мошка, слепни: «В лесу поджидали ошалевшие от сентябрьской жары шмели и шершни; жирные антрацитовые гадюки; трухлявые пни, набитые

крупными, с полпальца, кусачими муравьями...» [12, с. 220].

Как составляющая природного, лесного пространства звери изображаются редко, примеры подобных контекстов единичны: «Высверкивали меж кустов полосатые спинки бурундуков, рыжими всполохами мелькали в ветвях белки, шныряли под ногами разных мастей мыши... серые и желтые птицы с вычурными хохолками юркали вверх-вниз по стволам» [11, с. 287].

4. Значимость эстетической смысловой составляющей.

Для художественного концепта «Природа» в рассмотренных произведениях Г. Яхиной характерна прежде всего явная и яркая образность — однословные номинации в прямом значении отнюдь не самое частотное средство вербализации концепта, чаще используются лексические единицы и словосочетания в переносном значении. Образных номинаций всех содержательных элементов концепта «Природа» фактически не меньше, чем безобразных. Безобразные экспликанты количественно преобладают при номинировании живых существ — животных, птиц, насекомых, поскольку для писателя собственноразлично природный мир — это небо, леса, поля и другие элементы ландшафта, погодные явления, стихии природы, а живые существа воспринимаются прежде всего как источник пользы или вреда.

Писатель употребляет как традиционные образные словосочетания (темно-синее зеркало воды — 11, с. 326; Золотом пылают хвоя — 11, с. 392; Малахит берегов и холмов — 11, с. 503), так и более или менее оригинальные, иногда индивидуально-авторские номинации: «В последний день лета облака белы и летучи, как яблоневый цвет, а Ангара — темна глубокой, отдающей в черное синевою...» [11, с. 351]; «С вершины холма раскинувшаяся внизу равнина кажется гигантской белой скатертью, по которой рука Всевышнего разметала бисер деревьев и ленты дорог» [11, с. 88]; «...редкие лесочки, сползшие с пригорков деревеньки, мятые ленты речушек,

скатерти степей, щетки лесов...» [11, с. 170]; «Плывущие мимо хребты зеленых холмов в неровной щетине сосен и елей» [11, с. 214]; «...в шевелящейся вате утреннего тумана еле проступают очертания далеких берегов» [11, с. 216]; «Метель белых пузырей вьется кругом, бьет в лицо» [11, с. 222].

Важно отметить также то, что природа в рассмотренных текстах не просто олицетворяется, она антрополоподобна. Наличие большого числа экспликантов, представляющих природу как живое существо, причем живое существо могучее и огромное, позволяет говорить о смысловом элементе «подобный человеку», который связан с внешним видом природного феномена, элемента ландшафта или растения, а также с производимыми ими действиями: «Скоро береза начинает вздрагивать сильнее, стонать громче. Выеденная топором в стволе рана похожа на распахнутый в немом крике рот» [11, с. 19]; «Метель бьет в грудь, берет в плотный кулак, пытаюсь сорвать с места» [11, с. 15]; «Бах шуровал веслами по зыбкому телу реки...» [12, с. 302]; «...виднеются иссиня-зеленые спины холмов, каменные щеки обрывов» [11, с. 217]; «ветер хватает за лицо» [11, с. 224]; «лес взбирается на высокий холм... По крытому высокой, в пояс, травой и кустами пригорку рассыпалось несколько долговязых разлапистых елей, словно выбегали из леса к реке, да и замерли тут» [11, с. 275]; «Ангара раскрывает широкие синие объятия...» [11, с. 502]; «Редкий сосняк, шагающий по огромным и плоским, крытым редкой травой камням... рыжие свечи сосен и черные щетки елей» [11, с. 236]. Подобные вербализаторы весьма и весьма употребительны.

5. Характерной чертой представленного в текстах Г. Яхиной концепта «Природа» можно считать употребление в тексте в качестве вербализаторов концепта целых предложений и ССЦ, которые формально могут быть разделены на предложения, но являются репрезентантом концепта как целостная структура. Подобная вербализация может быть связана с подробным и разноаспектным

представлением смыслового элемента концепта: «Гуляли по крышам ветры — зимой тяжелые, густо замешанные со снегом и ледяной крупой, весной упругие, дышащие влагой и небесным электричеством, летом вялые, сухие, вперемешку с пылью и легким ковыльным семенем» [12, с. 397]; «Молния взрезает небо длинно, через весь горизонт. Лиловые тучи трутся друг о друга, дышат чернотой. Раскат грома — гулок и низок, дождя — нет» [11, с. 218].

Другой вариант подобной экспликации — пошаговое представление фрагмента действительности, складывающегося из разнообразных проявлений природного мира: «...он чувствовал, как сочится земля солеными и пресными водами, как напитывает силами дерева и травы, и они прирастают благодарно листьями и цветами; ощущал, как легчайший пух на крыльях птенцов обрачивается перьями, а нежные животы зверенышей в норах и дуплах покрываются шерстью; как зудят радостно, вытягиваясь в длину, олени рога, а тела крошечных рыб в Волге обрастают мясом и чешуей» [12, с. 399].

И наконец, еще один способ представления концепта целостным фрагментом текста — последовательное описание этапов единого природного явления: «Небосвод над ним уже был налит лиловой тяжестью, воздух столь густо пропитан электричеством, что даже смыкание ресниц, казалось, вызывало голубые искры. Разбухшие тучи шуршали, трещали, гудели раскатисто. Одна из них вдруг вспыхнула белым, ахнула страстно и низко — и упала на Баха холодной машиной воды... молнии — желтые, синие, исчерна-лиловые — пыхали все чаще, все ближе, где-то на расстоянии вытянутой руки» [12, с. 442].

Следовательно, тексты рассмотренных романов наглядно демонстрируют, что художественный концепт может быть репрезентирован не только иными языковыми единицами, но и не собственно единицами, а целыми многокомпонентными комплексами.

Таким образом, проанализировав особенности экспликации художественного концепта «Природа» в текстах романов Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои», можно утверждать, что набор лексико-семантических полей и лексико-тематических групп в целом совпадает с лексико-семантическими полями и лексико-тематическими группами концепта-универсалии, однако их значимость

и лексические средства представления отличаются. Особенно важными для художественной картины мира Г. Яхиной становятся единицы, которые составляют ядро поля концепта. Показательная особенность экспликации концепта «Природа» в прозе Г. Яхиной — не просто большое количество, а фактически преобладание образных вербализаторов — двучленных и многокомпонентных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология концептов. Т. 3. Волгоград: Парадигма, 2006. 380 с.
2. Антология концептов. Т. 4. Волгоград: Парадигма, 2006. 358 с.
3. Антология концептов. Т. 5. Волгоград: Парадигма, 2007. 332 с.
4. Антология концептов. Т. 6. Волгоград: Парадигма, 2008. 332 с.
5. *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста. М.: Наука; Флинта, 2009. 496 с.
6. *Буравлева Н. В.* Специфика лексической экспликации концепта «Природа» в раннем прозаическом творчестве И. А. Бунина // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. 2006. № 2 (19). С. 12–15.
7. *Сергеева Е. В.* Особенности экспликации художественного концепта «Природа» в лирике А. А. Блока (на материале 1 тома) // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке / под общ. ред. В. Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2005. С. 96–100.
8. *Гассельблат О. А.* Языковые средства репрезентации концепта «Религия» в творчестве Иосифа Бродского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2019. 19 с.
9. Словарь русского языка. Т. 3 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1987. 752 с.
10. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: НОРИНТ, 2000. 1536 с.
11. *Яхина Г.* Зулейха открывает глаза. М.: АСТ, 2019. 510 с.
12. *Яхина Г.* Дети мои. М.: АСТ, 2018. 493 с.

REFERENCES

1. Antologiya kontseptov. T. 3. Volgograd: Paradigma, 2006. 380 s.
2. Antologiya kontseptov. T. 4. Volgograd: Paradigma, 2006. 358 s.
3. Antologiya kontseptov. T. 5. Volgograd: Paradigma, 2007. 332 s.
4. Antologiya kontseptov. T. 6. Volgograd: Paradigma, 2008. 332 s.
5. *Babenko L. G., Kazarin Yu. V.* Lingvisticheskiy analiz hudozhestvennogo teksta. M.: Nauka; Flinta, 2009. 496 s.
6. *Buravleva N. V.* Spetsifika leksicheskoy eksplikatsii kontsepta «Priroda» v rannem prozaicheskom tvorchestve I. A. Bunina // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. Aspirantskie tetradi. 2006. № 2 (19). S. 12–15.
7. *Sergeeva E. V.* Osobennosti eksplikatsii hudozhestvennogo kontsepta «Priroda» v lirike A. A. Bloka (na materiale 1 toma) // Aktual'nye problemy teorii i metodologii nauki o yazyke / pod obshch. red. V. N. Skvortsova. SPb.: LGU im. A. S. Pushkina, 2005. S. 96–100.
8. *Gassel'blat O. A.* Yazykovye sredstva reprezentatsii kontsepta «Religiya» v tvorchestve Iosifa Brodskogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2019. 19 s.
9. Slovar' russkogo yazyka. T. 3 / pod red. A. P. Evgen'evoy. M.: Russkiy yazyk, 1987. 752 s.
10. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznetsov. SPb.: NORINT, 2000. 1536 s.
11. *Yahina G.* Zuleyha otkryvaet glaza. M.: AST, 2019. 510 s.
12. *Yahina G.* Deti moi. M.: AST, 2018. 493 s.